Сравнительный анализ эффективности деофшоризационных мер в России и странах ЕАЭС: влияние на национальный инвестиционный климат

Шипов Сергей Никитич
аспирант, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, sergei_shipov@mail.ru

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу эффективности деофшоризационных мер и их влияния на национальный инвестиционный климат России, Беларуси и Казахстана. В процессе исследования автором были сопоставлены изменения антиофшорного законодательства и динамика прямых иностранных инвестиций (входящих и исходящих), выявлены различия в реализуемой политике. Показано, что Россия и Казахстан сочетают налоговую деофшоризацию с редомициляцией бизнеса, а в Беларуси применяются преимущественно офшорный сбор и контроль трансфертных цен. Сделан вывод, что реакцией на введение деофшоризационных мер является рост притока капитала, причем эффективность деофшоризационных мер как средства стимулирования инвестиций по результатам анализа не была подтверждена. Общая для рассматриваемых стран тенденция к длительному сокращению ПИИ вслед за усилением налогового контроля не выявлена. Сделано предположение, что проведение деофшоризации совместимо с сохранением притока иностранного капитала, но не гарантирует улучшения национального инвестиционного климата.
Ключевые слова: офшорный бизнес, офшорные юрисдикции, деофшоризация, редомициляция бизнеса, прямые иностранные инвестиции.

Введение

Офшорные юрисдикции используются бизнесом для снижения налоговой нагрузки и сохранения конфиденциальности сведений о владельцах активов. Если для отдельных компаний использование офшоров позволяет получать дополнительные выгоды, то для государств, на территории которых эти компании ведут хозяйственную деятельность, это создаёт риски потери налоговых поступлений и затрудняет установление конечных владельцев бизнеса. Для защиты налоговой базы и раскрытия сведений о бенефициарах государства проводят политику деофшоризации. В России курс на проведение политики деофшоризации был обозначен в Послании Президента Федеральному Собранию от 2012 года. В дальнейшем были введены правила налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний, а также созданы специальные административные районы, позволяющие иностранным компаниям перейти под российскую юрисдикцию [13].

Меры деофшоризации меняют условия трансграничного инвестирования, поскольку связаны с дополнительными налоговыми и административными издержками для компаний. К примеру, уведомление налоговых органов о контролируемых иностранных компаниях, расчёт их прибыли и подготовка подтверждающих документов требуют дополнительных временных затрат, а в ряде случаев – привлечения внешних консультантов [8]. Одновременно с расширением ресурсной базы банков и возможностей кредитования бизнеса деофшоризация может способствовать возврату части капитала в национальную финансовую систему [1].

Влияние деофшоризационных мер на инвестиционный климат зависит от соотношения дополнительных издержек для компаний и стимулов к возвращению капитала в национальную юрисдикцию. Одним из таких стимулов выступают специальные правовые и налоговые режимы, ориентированные на редомициляцию бизнеса. Различия в составе и механизмах применения деофшоризационных мер определяют необходимость сопоставления их влияния на инвестиционные условия. Цель исследования заключается в оценке влияния деофшоризационных мер на национальный инвестиционный климат государств ЕАЭС.

Результаты и обсуждение

В исследовании деофшоризация понимается как сокращение использования иностранных структур для вывода прибыли из-под национального налогообложения и сокрытия контроля над активами. Налоговая деофшоризация и редомициляция рассматриваются отдельно, поскольку различаются по содержанию. Так, правила о контролируемых иностранных компаниях предусматривают включение зарубежной прибыли в налоговую базу контролирующего лица при соблюдении установленных законом условий. Компания при этом может сохранять иностранную регистрацию и вести деятельность за рубежом. При редомициляции она переносит регистрацию в другую юрисдикцию, продолжая существовать как то же юридическое лицо.

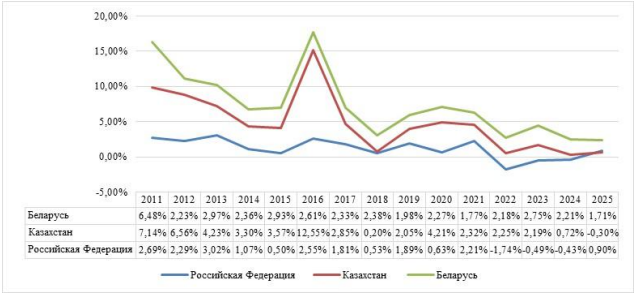
Поскольку изменение правил налогообложения зарубежной прибыли, требований к раскрытию иностранных структур и условий переноса компании в национальную юрисдикцию способно отражаться на трансграничном движении капитала [16], при оценке влияния деофшоризационных мероприятий на инвестиционный климат необходимо учитывать динамику прямых иностранных инвестиций. Данные по величине притока и оттока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в рассматриваемых странах представлены на рис. 1–2 (с целью обеспечения сопоставимости величины инвестиций выражены в процентах к ВВП).

В России система деофшоризационных мер формировалась поэтапно и включала усиление налогового контроля, а также создание механизмов возвращения бизнеса и капитала в российскую юрисдикцию. С 1 января 2012 года начали действовать новые правила трансфертного ценообразования, установленные Федеральным законом от 18.07.2011 № 227-ФЗ [9], которые ограничили возможности использования цен в контролируемых сделках для снижения налоговых обязательств и вывода прибыли за рубеж.

Следующий этап деофшоризации в России связан с принятием Федерального закона от 24.11.2014 № 376-ФЗ [10], который установил обязанность раскрывать сведения об иностранных компаниях и ввёл правила налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний у российских контролирующих лиц при соблюдении предусмотренных условий. Прибыль, остававшаяся в зарубежной структуре, в ряде случаев стала учитываться при налогообложении в России. Одновременно в 2015–2016 гг. прошёл первый этап добровольного декларирования зарубежных активов, а в 2018–2019 гг. – второй [5].

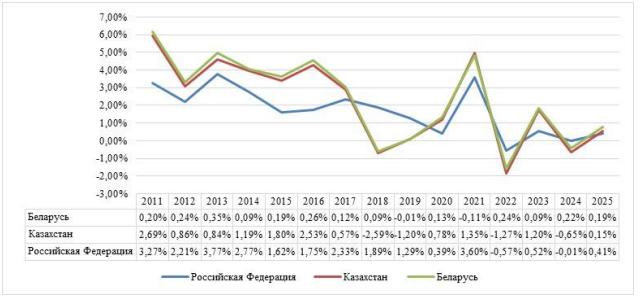
В 2018 году к налоговым мерам добавился механизм переноса иностранных компаний в российскую юрисдикцию. Федеральные законы от 03.08.2018 № 290-ФЗ и № 291-ФЗ создали правовую основу для редомициляции и деятельности специальных административных районов в Калининградской области и Приморском крае. Предполагалось, что особые условия регистрации и деятельности будут стимулировать компании, зарегистрированные

за рубежом, к переходу в российскую юрисдикцию. Во время третьего этапа добровольного декларирования, проходившего с июня 2019 г. по февраль 2020 г., получение предусмотренных законом гарантий было связано в том числе с возвратом денежных средств и редомициляцией заявленных контролируемых иностранных компаний [12].

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Беларусь	6,48%	2,23%	2,97%	2,36%	2,93%	2,61%	2,33%	2,38%	1,98%	2,27%	1,77%	2,18%	2,75%	2,21%	1,71%
Казахстан	7,14%	6,56%	4,23%	3,30%	3,57%	12,55%	2,85%	0,20%	2,05%	4,21%	2,32%	2,25%	2,19%	0,72%	-0,30%
Российская Федерация	2,69%	2,29%	3,02%	1,07%	0,50%	2,55%	1,81%	0,53%	1,89%	0,63%	2,21%	-1,74%	-0,49%	-0,43%	0,90%

Рис 1. Прямые иностранные инвестиции, чистый приток (% от ВВП)
Источник: составлено автором по данным [17]

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Беларусь	0,20%	0,24%	0,35%	0,09%	0,19%	0,26%	0,12%	0,09%	-0,01%	0,13%	-0,11%	0,24%	0,09%	0,22%	0,19%
Казахстан	2,69%	0,86%	0,84%	1,19%	1,80%	2,53%	0,57%	-2,59%	-1,20%	0,78%	1,35%	-1,27%	1,20%	-0,65%	0,15%
Российская Федерация	3,27%	2,21%	3,77%	2,77%	1,62%	1,75%	2,33%	1,89%	1,29%	0,39%	3,60%	-0,57%	0,52%	-0,01%	0,41%

Рис. 2. Прямые иностранные инвестиции, чистый отток капитала (% от ВВП)
Источник: составлено автором по данным [17]

С 2021 года начали применяться изменения соглашений об избежании двойного налогообложения с Кипром и Мальтой, которые предусматривали повышение ставки налога у источника на дивиденды и проценты до 15% с отдельными исключениями. Тем самым сокращались налоговые преимущества выплаты доходов через компании, зарегистрированные в этих юрисдикциях [14]. В 2022–2023 гг. состоялся четвёртый этап добровольного декларирования, в рамках которого гарантии в отношении денежных средств и финансовых активов предоставлялись при соблюдении условий их перевода на российские счета [11].

Российская политика деофшоризации объединила меры налогового контроля с механизмами раскрытия зарубежных активов, возврата капитала и редомициляции бизнеса, но данные статистики (рис. 3) не позволяют сделать однозначный вывод о влиянии этих мер на прямые иностранные инвестиции. После введения правил КИК исходящий поток ПИИ сократился с 57,08 млрд долл. в 2014 году до 22,09 млрд долл. в 2015 году. Одновременно входящий поток уменьшился с 22,03 до 6,85 млрд долл. В 2019 году, после создания специальных административных районов, входящие ПИИ выросли с 8,78 до 31,97 млрд долл., тогда как исходящие сократились с 31,38 до 21,92 млрд долл. Такое изменение показателей соответствует направленности мер на возврат капитала, однако само по себе не позволяет установить причинную связь между введением деофшоризационных инструментов и динамикой ПИИ.

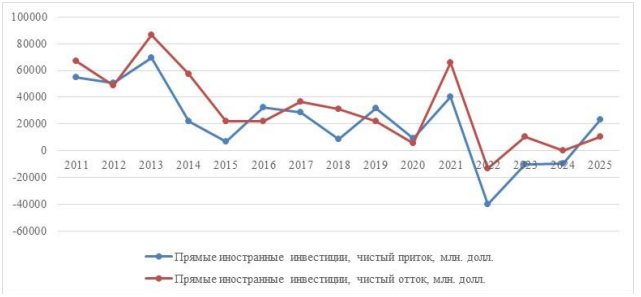

Рис. 3. Показатели чистого притока и чистого оттока прямых иностранных инвестиций в России, млн. долл.
Источник: составлено автором по данным [17]

В последующие годы устойчивого увеличения притока инвестиций не наблюдалось, на что повлияли санкционные ограничения и выход иностранных собственников из российских активов.

Казахстан, как и Россия, сочетает налоговый контроль зарубежных операций с мерами, позволяющими раскрыть активы и перевести бизнес в национальную юрисдикцию. Контроль трансфертных цен осуществляется на основании закона от 5 июля 2008 года № 67-IV. В 2014–2016 гг. проводилась легализация имущества и денег, включая зарубежные активы [3]. По своему функциональному назначению программа близка к российскому добровольному декларированию: участники получают возможность оформить ранее неучтённое имущество при соблюдении установленных условий.

С 2018 года начали применяться положения нового Налогового кодекса Казахстана о прибыли контролируемых иностранных компаний. Как и российские правила КИК, действующие с 2015 года, положения нового Налогового кодекса Казахстана предусматривают учёт зарубежной прибыли при налогообложении контролирующего лица и раскрытие сведений об иностранных структурах [4]. В декабре 2021 г. Казахстан приступил к автоматическому обмену информацией о финансовых счетах с другими государствами.

Налоговые меры деофшоризации в Казахстане дополнились возможностью редомициляции, предусмотренной правилами Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), начавшего работу в 2018 г. Компании, зарегистрированные за рубежом, получили возможность перенести регистрацию в МФЦА, сохранив свою юридическую идентичность, имущество и обязательства [2]. В России в том же году механизм редомициляции был введён для компаний, переходящих в специальные административные районы.

Представленные на рис. 4 данные о ПИИ не показывают устойчивого роста инвестиций после принятия мер деофшоризации. В Казахстане завершение легализации совпало с увеличением чистого притока до 17,22 млрд долларов в 2016 г., но уже в 2017 г. приток сократился до 4,76 млрд долларов. После начала работы МФЦА приток вырос с 0,35 млрд долларов в 2018 г. до 7,21 млрд долларов в 2020 г., но рост не оказался длительным трендом.

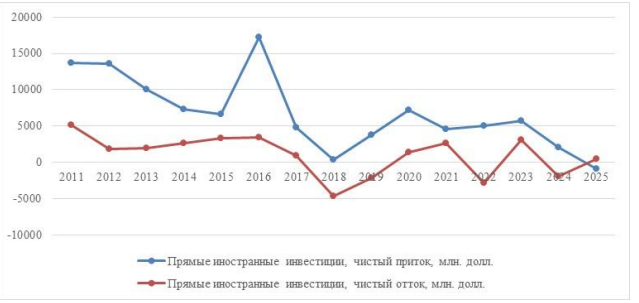

Рис. 4. Показатели чистого притока и чистого оттока прямых иностранных инвестиций в Казахстане, млн. долл.
Источник: составлено автором по данным [17]

По сравнению с Россией Казахстан сохранял положительный чистый приток ПИИ дольше, что позволяет говорить о более благоприятной динамике входящих инвестиций в Казахстане. Хотя имеющиеся данные не дают оснований считать инвестиционный эффект деофшоризации в Казахстане более сильным, чем в России, в обеих юрисдикциях налоговые требования были дополнены возможностью переноса компаний в национальную юрисдикцию, однако устойчивого увеличения притока ПИИ вслед за применяемыми мерами по деофшоризации изменениями не наблюдается.

В Беларуси отдельные меры налоговой деофшоризации начали применять ещё в 2000 г., когда Указом Президента от 14 января 2000 г. № 17 был введён офшорный сбор, распространяющийся на платежи за определённые работы и услуги. В 2003 г. круг облагаемых операций был расширен, в него были включены перечисление средств офшорным контрагентам и отдельные неденежные расчёты [7]. Позднее с целью сокращения выгоды от использования офшорных структур порядок взимания сбора закрепили в Налоговом кодексе Республики Беларусь [6].

К числу мер налоговой деофшоризации в Беларуси также можно отнести контроль трансфертных цен, применяемый с 1 января 2012 г. Основной задачей контроля было ограничение возможности вывода прибыли за пределы Республики через занижение выручки или завышении расходов в сделках с иностранными контрагентами. Налоговые органы получили право корректировать налоговую базу в случаях, когда цена контролируемой сделки отличалась от рыночной и приводила к занижению налога на прибыль. Позднее (2016–2018 гг.), с целью ограничения возможностей уменьшения налогооблагаемой прибыли через сделки со взаимозависимыми лицами и офшорными контрагентами, включая операции через посредников, компаниям было вменено в обязанность обосновывать применяемые цены [15].

Белорусская модель отличается от российской и казахстанской: если в России и Казахстане налоговый контроль дополнен механизмами редомициляции, позволяющими перенести иностранную компанию в национальную юрисдикцию, то в Беларуси такой инструмент деофшоризационной политики не сформирован.

Анализ динамики прямых иностранных инвестиций (рис. 5) показывает, что начало применения мер по деофшоризации экономики было сопряжено с резким снижением чистого притока ПИИ: с 4 002,4 млн долларов в 2011 г. до

1 463,6 млн долларов в 2012 г. Однако по мере расширения контроля продолжительного спада величины инвестиционной активности не произошло. Чистый приток сократился с 1 652,3 млн долларов в 2015 г. до 1 246,9 млн долларов в 2016 г., но к 2018 г. он восстановился до значения в1 426,5 млн долларов. В Казахстане за сопоставимый период изменения были гораздо резче: в 2016 г., когда завершалась легализация имущества, приток достиг 17,22 млрд долларов, но уже в 2017 г. снизился до 4,76 млрд долларов.

Рис. 5. Показатели чистого притока и чистого оттока прямых иностранных инвестиций в Беларуси, млн. долл. Источник: составлено автором по данным [17]

На основании проведенного анализа можно заключить, что применение деофшоризационных мер совместимо с сохранением притока иностранных инвестиций. В России, Беларуси и Казахстане после усиления налогового контроля наблюдались периоды роста входящих ПИИ, но устойчивого увеличения их доли в ВВП не произошло (см. рис. 1 и 2). В российской практике деофшоризации были созданы возможности для возвращения бизнеса, но устойчивое превышение входящих прямых инвестиций над исходящими не стало постоянным результатом реализуемой политики.

По устойчивости привлечения ПИИ казахстанская модель не продемонстрировала преимущества перед российской. Так, завершение программы легализации имущества сопровождалось ростом чистого притока ПИИ до 12,55% ВВП в 2016 г., после чего показатель снизился до 2,85% в 2017 г. В первые годы работы МФЦА и применения обновлённых правил КИК приток восстановился с 0,20% ВВП в 2018 г. до 4,21% в 2020 г., но уже к 2024 г. входящий поток сократился до 0,72% ВВП, а в 2025 г. стал отрицательным.

Беларусь отличается более стабильным соотношением потоков. В 2012–2025 гг. чистый приток ПИИ находился в пределах 1,71–2,97% ВВП и ежегодно превышал исходящие прямые инвестиции. Офшорный сбор и расширение контроля трансфертных цен применялись при сохранении положительного входящего потока, причем заметного повышения доли ПИИ в ВВП также не наблюдается.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ показал, что проведение политики деофшоризации не сопровождается устойчивым ухудшением инвестиционного климата в той его части, которая отражается в динамике прямых иностранных инвестиций. Российский опыт и опыт Казахстана показывает, что сочетание ограничительных налоговых мер с механизмами переноса бизнеса в национальную юрисдикцию позволяет проводить деофшоризацию без устойчивого сокращения входящих иностранных инвестиций. Данные по белорусской модели подтверждают вывод применительно к модели деофшоризации, основанной на офшорном сборе и контроле трансфертного ценообразования. Снижение инвестиционной активности в моменте начала реализации деофшоризационных мер является краткосрочным, дальнейшее усиление контроля не приводит к продолжительному сокращению иностранных инвестиций. Следовательно, отдельные деофшоризационные меры совпадают с краткосрочным сокращением притока ПИИ, однако в последующие периоды инвестиционные потоки восстанавливаются.

Литература

1. Борзенко Е.А. Политика деофшоризации в России: дальнейшие перспективы национальной экономики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3(231). С. 151-153. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_3_151.
2. Гончаренко М. А., Хомякова Л. И. Международный финансовый центр «Астана» как инструмент «мягкой силы» Казахстана и ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 6. С. 110–118. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-110-118.
3. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2008 года № 67-IV «О трансфертном ценообразовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30194061 (дата обращения: 11.09.2026).
4. Крохина Ю.А. Юридические последствия нарушений законодательства о контролируемых иностранных компаниях: опыт Российской Федерации и Республики Казахстан // Миграционное право. 2026. № 1. С. 14–17. DOI: 10.18572/2071-1182-2026-1-14-17.
5. Миронова С. М., Жемчужников А. А. Проведение амнистии капиталов в России: правовое регулирование и практика реализации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 36–40.
6. Оффшорный сбор. URL: https://nalog.gov.by/entrepreneurs/taxes/taxes_paid_by_entrepreneurs/offshore_fee/ (дата обращения: 16.09.2026).
7. Письмо Государственного Налогового Комитета Республики Беларусь 31 марта 2000 г. N 4-1-14/2015. URL: https://allminsk.biz/o-soyuze/novosti/105-juridicheskij-otdel/vneshnjaja-torgovlja-105/1551-pismo-gosudarstvennogo-nalogovogo-komiteta-respubliki-belarus-31-marta-2000-g-N-41142015 (дата обращения: 15.09.2026).
8. Портнов Н. А. Влияние мер по деофшоризации российской экономики на инвестиционный климат // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 9. С. 83–94.
9. Федеральный закон от 18.07.2011 N 227-ФЗ (ред. от 05.04.2013) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения" // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116968/ (дата обращения: 04.09.2026).
10. Федеральный закон от 24.11.2014 N 376-ФЗ (ред. от 12.11.2018) "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных компаний и доходов иностранных организаций)" // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241/ (дата обращения: 06.09.2026).
11. Хамидуллин Т. Р. История развития налоговых механизмов деофшоризации экономики РФ // Human Progress. 2024. Т. 10. Вып. 12. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-12a-24.
12. Цинделиани И.А., Безикова Е.В. Налоговые инструменты деофшоризации российской экономики на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 90–104.
13. Шипов С. Н. Влияние процесса деофшоризации на инвестиционный климат России // Стратегии развития общества и экономики в новой реальности : Сборник трудов пятой международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. С. 561–567.
14. Юрченко О. В., Герасименко О. А. Трансформация соглашений об избежании двойного налогообложения в условиях макроэкономической нестабильности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4-4 (67). С. 167–169. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-4-167-169.
15. Chochiev A. Recent Transfer Pricing Developments in Belarus: Taking Careful Steps towards Integration into European Tax Law // International Transfer Pricing Journal. 2019. Vol. 26. No. 3. DOI: 10.59403/4q0r6k.
16. Kinda T. Investment Climate and FDI in Developing Countries: Firm-Level Evidence // World Development. 2010. Vol. 38. No. 4. P. 498–513. DOI: 10.1016/j.worlddev.2009.12.001.
17. World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators# (дата обращения: 03.09.2026).

Comparative analysis of the effectiveness of deoffshorization measures in Russia and the EAEU countries: impact on the national investment climate

Shipov S.N.
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

This article is devoted to a comparative analysis of the effectiveness of deoffshorization measures and their impact on the national investment climate in Russia, Belarus and Kazakhstan. In the course of the research, the author compared changes in anti-offshore legislation and the dynamics of foreign direct investment (incoming and outgoing), and identified differences in the policy being implemented. It is shown that Russia and Kazakhstan combine tax deoffshorization with business redomicilation, while Belarus mainly uses offshore collection and transfer price control. It is concluded that the reaction to the introduction of deoffshorization measures is an increase in capital inflows, and the effectiveness of deoffshorization measures as a means of stimulating investment has not been confirmed by the results of the analysis. The general trend for the countries under consideration towards a prolonged reduction in FDI following increased tax control has not been revealed. It is assumed that deoffshorization is compatible with maintaining the inflow of foreign capital, but does not guarantee an improvement in the national investment climate.

Keywords: offshore business, offshore jurisdictions, deoffshorization, business redomicilation, foreign direct investment.

References

1. Borzenko E.A. Deoffshorization policy in Russia: further prospects of the national economy // Law and the State: theory and practice. "2024" No. 3(231). pp. 151-153. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_3_151.
2. Goncharenko M. A., Khomyakova L. I. Astana International Financial Center as a tool of "soft power" of Kazakhstan and the EAEU // Economy. Taxes. Right. 2020. Vol. 13. No. 6. pp. 110-118. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-110-118.
3. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2008 No. 67-IV "On Transfer Pricing" (with amendments and additions as of 01.01.2026). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30194061 (accessed: 11.09.2026).
4. Krokhina Yu.A. Legal consequences of violations of legislation on controlled foreign companies: the experience of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Migration law. 2026. No. 1. pp. 14-17. DOI: 10.18572/2071-1182-2026-1-14-17.

5. Mironova S. M., Zhemchuzhnikov A. A. Capital amnesty in Russia: legal regulation and implementation practice // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (44). pp. 36-40.
6. Offshore collection. URL: https://nalog.gov.by/entrepreneurs/taxes/taxes_paid_by_entrepreneurs/offshore_fee / (accessed: 16.09.2026).
7. Letter of the State Tax Committee of the Republic of Belarus No. 4-1-14/2015 dated March 31, 2000. URL: https://allminsk .biz/o-soyuze/novosti/105-juridicheskij-otdel/vneshnjaja-torgovlja-105/1551-pismo-gosudarstvennogo-nalogovogo-komiteta-respubliki-belarus-31-marta-2000-g-N- 41142015 (accessed: 15.09.2026).
8. Portnov N. A. The impact of deoffshorization measures the impact of the Russian economy on the investment climate // Russian Foreign Economic Bulletin. 2016. No. 9. pp. 83-94.
9. Federal Law No. 227-FZ of 07/18/2011 (as amended on 04/05/2013) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with Improving the Principles of Determining Prices for Tax Purposes" // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116968 (accessed: 04.09.2026).
10. Federal Law No. 376-FZ of 11/24/2014 (as amended on 11/12/2018) "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation (regarding Taxation of Profits of Controlled Foreign Companies and Income of Foreign Companies and Income of Foreign Organizations)" // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241 (accessed: 06.09.2026).
11. Khamidullin T. R. The history of the development of tax mechanisms for deoffshorization of the Russian economy // Human Progress. 2024. Vol. 10. Issue. 12. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-12a-24.
12. Tsindeliani I.A., Bezikova E.V. Tax instruments of deoffshorization of the Russian economy at the present stage // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. No. 40. pp. 90-104.
13. Shipov S. N. The impact of the deoffshorization process on the investment climate in Russia // Strategies for the development of society and the economy in the new reality : Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023. pp. 561-567.
14. Yurchenko O. V., Gerasimenko O. A. Transformation of double taxation agreements in the context of macroeconomic instability // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 4-4 (67). pp. 167-169. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-4-167-169.
15. Chochiev A. Recent Transfer Pricing Developments in Belarus: Taking Careful Steps towards Integration into European Tax Law // International Transfer Pricing Journal. 2019. Vol. 26. No. 3. DOI: 10.59403/4q0r6k.
16. Kinda T. Investment Climate and FDI in Developing Countries: Firm-Level Evidence // World Development. 2010. Vol. 38. No. 4. P. 498–513. DOI: 10.1016/j.worlddev.2009.12.001.
17. World Development Indicators // World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (accessed: 03.09.2026).